

Отзыв на диссертацию П. В. Западаловой «Иконография
древнерусских царских врат XVI-XVII веков.

Происхождение. Типология, Символика.

Диссертация П. В. Западаловой посвящена одному из самых сложных вопросов в истории древнерусской культуры. Несмотря на обширную литературу, изучение царских врат не завершено, и остается немало проблем, с которыми будут работать исследователи, находя новые решения и предлагая свои интерпретации изобразительной программы царских врат.

Полина Вадимовна ставит перед собой задачу изучения царских врат как целостного художественного образа, метафорическими прообразами которого являются врата Небесного Иерусалима, Богородицы – Двери Небесной, Христа – Двери Спасения.

Исследование около двухсот списков послужило основой для системного изучения эволюции объекта, что определяет актуальность и новизну настоящей работы. В заданном направлении предметом исследования становится феномен сложения единого художественного образа царских дверей XVI-XVII вв., претерпевавших обусловленные временем идейные, стилистические и структурные изменения.

В последовательном знакомстве с иконографическими сюжетами и темами, автор находит собственный путь исследования, исходным началом которого является тезис о многосоставности изобразительной структуры царских врат, воспринимаемой как один из видов единственной в своем роде многочастной иконы.

В этом контексте Полина Вадимовна избирает ключевой для себя метод интерпретационной иконографии, в котором анализ богословского содержания сюжета предполагает активное привлечение аналогичного иконографического материала, обстоятельно изученного на основе изобразительного ряда икон, монументальной живописи, книжной

миниатюры, произведений декоративно-прикладного искусства. Этот метод с наибольшей полнотой продемонстрирован в четвертой главе диссертации, в которой в хронологической последовательности прослеживается происхождение, типология и символика иконографической системы царских врат.

Сравнительный иконографический метод привлечен в работе как способ систематизации материала, позволяя найти источники, отметить происходившие изменения отдельных изображений и сформировать иконографические группы царских врат.

Успешному завершению работы во многом способствовало углубленное использование историографического опыта, представленного основополагающими трудами богословов XIX-XX вв., а также современными монографическими исследованиями и отдельными публикациями историков и искусствоведов. Критически анализируя источники, Полина Вадимовна прослеживает эволюцию живописного убранства входных пространств во взаимодействии земного и небесного, затрагивает проблему терминологии и раскрывает воздействие богослужебных действий на изобразительную программу царских врат.

Определяя в своем исследовании заданный хронологический период XVI-XVII веками как время расцвета иконографии царских врат, автор обращается к предыстории предмета, рассматривая его становление на примере миниатюр лицевых Евангелий, икон, а также по текстам письменных источников. Обзор этого фонда позволяет сделать заключение о существовании предалтарных святых дверей уже в самое раннее время, хотя древнейшими из сохранившихся древнерусских являются врата второй половины XIII века с изображением двух святителей и Благовещения из Троицкой церкви погоста Кривое.

Наряду с этой иконографией имели место и другие композиции, среди которых на створах врат помещались изображения евангелистов и в отдельных случаях избранных святых. Однако в итоге до конца

средневековья утвердились две канонические схемы, в которых, кроме венчавшего врата Благовещения, на створах помещались творцы литургии Василий Великий и Иоанн Златоуст или евангелисты.

Полина Вадимовна, ссылаясь на мнение В. Г. Пуцко, полагает, что иконография со святителями сложилась под влиянием чина в центральной апсиде храма и представляла собой краткую редакцию «Службы святых отец», указывая тем самым на алтарь как на сакральное пространство, где совершается Евхаристия и куда вход доступен лишь священнослужителям.

Следуя выводу В. Н. Лазарева о сложении иконографической схемы врат с изображением евангелистов, автор заостряет внимание на происхождении второй композиции, прообразом которого послужили миниатюры лицевых Евангелий. Наиболее ранним памятником этого типа являются врата из коллекции Н. П. Лихачева, созданные в 1336 г. по заказу новгородского архиепископа Василия.

Полина Вадимовна справедливо полагает, что изображения евангелистов располагались по порядку чтений Евангелия Апракос. Однако направление композиций определялось не по часовой стрелке, но отражало сложную последовательность евангельских чтений от Иоанна, Матфея, Луки и Марка (см.: Апракос Мстислава Великого / под редакцией Л. П. Жуковской. М., 1983). Классическими памятниками этой схемы являются Лихачевские врата, врата 1528 г. из Софийского собора (ныне в составе Рождественского иконостаса). Исходным началом настоящей композиции служат купольные росписи Преображенского собора в Мирожском монастыре (1130-1140-е гг.), церкви Спаса на Нередице (1199 г.), церкви Успения Богородицы на Вологове (1363 г.). Два последних примера могли быть «прочитаны» и по Евангелию тетр. Отмеченные в диссертации исключения (изображения на вратах из собрания С. П. Рябушинского, из Спасо-Преображенского собора Кирилло-Белозерского монастыря 1595 г. и, возможно, из церкви Белой Троицы в Твери, с. 99) также находятся в системе апракосных чтений. В этом случае следует принимать во внимание принятое правило чередования

чтений от Луки и Марка. Евангелие от Иоанна читалось от великой недели Пасхи до дня Святой Троицы. Со дня Святого Духа, понедельника Пятидесятницы, до Вознесения читалось Евангелие от Матфея в чередовании с чтениями от Марка с 11-й недели. Чтения от Луки начинались с 18-й недели, и с 30-й недели вновь шли чтения от Марка, которые и завершали период Пятидесятницы. В историографии принята последовательность апракосных чтений в порядке от Иоанна, Матфея, Луки, Марка (см.: Мансветов И. Церковный устав (Типик) его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885С. 45-52. Примеч. 1, 2).

В последовательности евангельских чтений от Иоанна, Матфея, Луки и Марка и страстных Евангелий располагались храмовые праздничные циклы. В этом контексте, видимо, находит объяснение уникальный состав композиций на царских вратах из церкви Исидора Блаженного в Пскове, на створах которых праздничные сцены представлены в порядке апракосных чтений (Ил. 30). За «Входом в Иерусалим» следует «Преображение», когда Господь торжественно вступил в Иерусалим, явил апостолам силу божественного света и предсказал ученикам свои страдания и смерть. На утрени среды недели Ваий полагалось чтение от Иоанна (12, 36-47). В соответствии со службой на Великий четверг за «Преображением» на вратах изображены «Умовение ног» и «Тайная вечеря», когда на утрени полагалось чтение от Луки (22, 1-39), на литургии чтение от Матфея (26, 1-20), на вечерне - Евангелие от Иоанна (13, 3-17). (См.: Апракос. С. 188-194). Расположение композиций на вратах по существу представляет собой иллюстрированное последование евангельских чтений по Апракосу. В конце XV-начале XVI в. подобный порядок праздничного чина вошел, а затем и утвердился в системе высокого иконостаса, восходившего к древнейшим фресковым циклам (см.: Гордиенко Э. А. Праздничный отдел службы в системе храмовых и иконописных композиций XII- XVI в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2 (48) июнь 2012).

Третий источник формирования облика царских врат Полина Вадимовна, присоединяясь к мнению В. Г. Пуцко и М. А. Реформатской, видит в иконографии праздничного ряда, повлиявшей на изображение «Преподания хлеба» и «Преподания вин» на сени алтарных дверей.

С этим суждением можно согласиться, имея в виду иконографический подход к решению поставленной проблемы. Вместе с тем, кроме лицевых рукописей, в которых наряду с миниатюрами евангелистов находится немало изображений, раскрывающих евангельскую историю, в число иконографических источников следует включить, литургические святительские чины и причащения апостолов в алтарных росписях Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1130-1140-е гг.), церкви Спаса на Нередице (1199 г.), сербских храмов, храмов Мистры и Крита XIII-XIV вв., повлиявших на становление иконографической структуры царских врат ко времени создания высокого иконостаса. Относительно воздействия собственно праздничного чина на включение в композицию царских врат сцен Причастия возникают сомнения, ибо только в чине Троицкого собора помещено причащение апостолов у изображенных врат. Подобная композиция уникальна и пока недостаточно объяснима. Нарушая историческую последовательность евангельского повествования, она выступает явлением другого времени, возможно, опережая появление в скором будущем предполагаемых алтарных дверей.

В своей работе Полина Вадимовна неоднократно обращается к богослужебным источникам, преимущественно к рукописям Соловецкого собрания XVI в. (РНБ) и рукописям XVII в. К сожалению, остались без внимания Служебники Софийского собрания, канонические чины которых содержат немало деталей, отражающих свое время. Наиболее полным из них является Служебник 1592 г., вложенный попадъей Катериной Никитиной (Фоминой) в память о своем муже в Воскресенский собор Деревяницкого монастыря (РНБ. Соф. 603). Рукопись может служить своеобразным проводником по иллюстративному ряду святых дверей, последовательность

которого отражена в композициях царских врат 1528 г., на наш взгляд, важнейшего источника в исследовании поставленной проблемы.

Рождественские врата представляют собой классический образец самостоятельной структуры, органично включенной в храмовое пространство. Отражая конструктивные закономерности здания, архитектура врат повторяет опорную систему столбов, арочное завершение сводов, опирающихся на стены (створы). Святительский и диаконский чин царских врат, определенный автором как «оригинальная сцена», представляет собой малую форму, сопоставимую с традиционной монументальной живописной композицией «многих от семидесяти апостолов», среди которых имена архиереев, диаконов, первомучеников и многих великих и малоизвестных святых. Опоясывая центральное пространство храма, они выступали олицетворением столпов, на которых зиждется церковь. Эта же охранительная роль отведена святителям и диаконам на столбцах царских врат.

Высказанные замечания имеют рекомендательный характер, возможно, некоторые из них будут учтены автором в последующих исследованиях.

Полина Вадимовна свою задачу выполнила, продемонстрировав не только основательное владение материалом, но и понимание специфики предмета, предложив свою интерпретацию каждого памятника, обеспеченную знанием всего круга источников. Объем представленного в диссертации материала станет основой для дальнейшего изучения царских врат как самостоятельного и важнейшего явления в истории древнерусской культуры.

Представленное диссертационное исследование соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям, выдвигаемым на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Основные положения диссертации отражены в автореферате диссертации. Диссертация соответствует требованиям пп. 9, 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства

Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 07.00.04 – «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура».

Ведущий научный сотрудник
Института истории РАН,
доктор исторических наук

 Э. А. Гордиенко

